

Всё равно
БУДЕШЬ МОЕЙ

РИНА БЕЖ

Рина Беж

Всё равно будешь моей

<https://litres.ru/74206788>

Аннотация

♥#Однажды мы оба сглупили, не разобравшись в ситуации. Он надолго исчез, а я, подчинившись воле матери, вышла замуж за другого. Но время расставляет всё по своим местам. Новая встреча, и будто не было прожитых лет. А тихо брошенная когда-то фраза: «Ты всё равно будешь моей!» обретает смысл. *** Есть ли жизнь после развода? А тем более личная? Раньше я сомневалась, теперь смело отвечаю: “Да, есть! Прекрасная жизнь. Счастливая и насыщенная! Главное, вовремя закрыть дверь в неудачное прошлое и уверенно улыбнуться будущему”. И я улыбаюсь... своему бывшему однокласснику... своему когда-то любимому человеку...

НОВИНКА

Содержание

Пролог	4
Глава 1	9
Глава 2	21
Глава 3	36
Глава 4	46
Глава 5	58
Глава 6	73
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Пролог

♥#Однажды мы оба сгруппировались, не разобравшись в ситуации. Он надолго исчез, а я, подчинившись воле матери, вышла замуж за другого.
 Но время расставляет всё по своим местам.
 Новая встреча, и будто не было прожитых лет. А тихо брошенная когда-то фраза: «Ты всё равно будешь моей!» обретает смысл.

 Есть ли жизнь после развода? А тем более личная?
 Раньше я сомневалась, теперь смело отвечаю: «Да, есть! Прекрасная жизнь. Счастливая и насыщенная! Главное, вовремя закрыть дверь в неудачное прошлое и уверенно улыбнуться будущему».
 И я улыбаюсь... своему бывшему однокласснику... своему когда-то любимому человеку...

ОДНОТОМНИК

 – Юлька, ну я же люблю тебя, дуручка! – перехватывает муж меня за запястье, не совсем контролируя силу.
– Нет, Вань. Ты любишь игры свои компьютерные. Любишь делать ставки и часами просиживать в интернете, не замечая ни меня, ни Полинку, – стараюсь потихоньку освободить зажатую в тиски конечность, на которой уже совсем скоро появятся бордовые следы.

Красные от недосыпания глаза супруга меня сильно пуга-

ют, так как горят нездоровым азартом.

– Да ладно тебе, чушь пороть! Что там с Полькой-то? Мелкая она еще и бестолковая. Вот вырастет, будет поумнее, так и стану с ней заниматься.

– Чем? Твоими рулеткой и покером, обчищающими карманы нашей семьи? Сколько ты опять проиграл за ночь?

– Ничего я не проиграл, – зло щурит глаза мой благоверный. – Не придумывай.

– А где отложенные на ремонт деньги?

– Так, не верещи! Верну я всё!

– Как? Отыграешься?

– Вот! Сама знаешь! Мне чуть-чуть до флеш-рояля сегодня не хватило. Всего-то еще пару тысяч требовалось подкинуть, а ты зажала.

– Вань, ты себя слышишь?

– Юлька, не нуди! Отыграюсь!

– Мне коллекторы вчера весь день названивали, – обхватывая себя руками, так как знобит от всего происходящего в нашем доме. – Вся почта письмами с угрозами завалена. Зачем ты в «БыстроДеньги» полез?

– Из-за тебя! Могла бы у родителей попросить в долг. Они пенсионеры, зачем им много? Надо делиться с молодыми.

– А на работу когда выйдешь? – меняю тему и отступаю к комоду, чтобы достать одежду для дочери. Скоро предстоит будить малышку, чтобы топать в ясли. – Мама с

папой тебе газель подарили, как ты хотел. Но работать, заметить, всё равно не торопишься.

– На газели весь день надо за баранкой сидеть. Скука смертная. Мне не понравилось. – кривится недовольно Иван.

– Так что я уже с мужиками договорился. И тачку продал.

– Как продал? Когда? А деньги?

– Сказал отыграю! Значит, отыграю! – рыкает в ответ.

– Не отыграешь, Вань. И ты это отлично знаешь, и я. Поэтому... хватит! Прости, но я устала краснеть, возвращая ТВОИ долги! Устала бояться, что в дом ворвутся бандиты, требуя расплатиться по ТВОИМ распискам. Устала оправдываться перед родителями за ТВОИ поступки. Мы с Полей уходим.

– Чего это ты удумала, Юлька? – подходит ближе Иван, прищуриваясь и пытаясь надавить на меня взглядом.

– Надумала разводиться и жить спокойно, без страха и стресса, – задираю чуть выше подбородок.

– Милая, а как же семья и любовь до гроба? – протягивает руку к моему лицу муж и проводит по щеке костяшками, поглаживая.

Ласка, от которой волосы на затылке становятся дыбом, а по спине пробегают мурашки страха.

– Это только слова, Вань. Пустые слова, – выдыхаю, не отводя глаз.

– А если я тебя не отпущу? – резко перехватывает он меня за шею, не сжимая, но доводя своими действиями до

ужаса.

Последние полгода я совершенно не узнаю своего мужа. Живу, как с чужим человеком. Можно сказать, капризным и требовательным ребенком, а не мужчиной.

– Отпустишь, – говорю с уверенностью, которой не ощущаю.

– Папочке, бывшему полковнику, пожалеешь? – наклоняется и шепчет на ухо, обдавая неприятным сигаретным запахом. – Не вздумай! Поняла?

– Да, – киваю, соглашаясь.

– И учти, милая, эта квартира моих родителей, так что тут ты в полном пролете. Даже рот не вздумай открывать, чтобы долю требовать. На себя или мелкую, – резко разжимает руку Иван, и я отшатываюсь назад, ударяясь копчиком о край комода.

– Не потребую, – качаю головой.

Ни за что не стану. Сами с Полиной всего добьемся.

Обязательно.

Главное, жить без оглядки и страха, что за тобой кто-то следит, чтобы забрать последнее.

– Идиотка, – несетя мне вслед, когда я выхожу из гостиной и по совместительству личной территории Ракитина. – Подумай хорошенько. Кому ты нужна будешь, если не мне? Баба не первой свежести, пользованная, блу, да еще и «с хвостом»? НИКОМУ!

– Дочери, – произношу тихо, но уверенно, – дочери буду

нужна...

Глава 1

Юля
Я всегда думала, что не выйду замуж, а ребенка рожу для себя. Когда-нибудь потом... Лет после тридцати.

Когда нагуляюсь с подругами и всех их раздам женихам.
Почему?

А вот так.

Ничего-то там интересного нет.

Наверное, яркий опыт соседской жизни сказался. В дни дяди Серёжиных встреч с «белым змием» тётя Валя его обязательно скалкой по этажам гоняла. Когда же сосед становился трезвым, то непременно злым, и с веником за благоверной бегал уже он. А поскольку в месяц получка была дважды. То концерт без заявок все жильцы нашей четырехэтажки смотрели так же, как когда-то «Санта-Барбару». Безотрывно лет десять, как минимум.

По моим же родителям ориентироваться было совсем сложно. Их семейная жизнь казалась настолько положительно-идеальной, что возникало чувство обмана и неестественности. Это мало бросалось в глаза, пока папа служил, пропадая на рабочем месте практически сутками. А когда вышел на пенсию, я выросла и больше уделяла внимание уже своим девчачьим делам.

Забегая вперёд, скажу...

Мои детские планы пошли насмарку.

Все.

Как тот самый блин, который первый и всегда комом.

Однако, я этому только рада.

Но, давайте по порядку...

Меня зовут Юля.

Мне двадцать семь лет.

Вот как раз сегодня и исполнилось. Десять минут назад.

В 6.45, как говорит мамуля.

И... Я мама самой сладкой малышки на свете. Моей умилицы, красавицы и хитрюги Поляночки, обожающей сладости и мультфильм «Том и Джерри».

А еще я разведёнка.

Но такая счастливая, что порой некоторых, очень любознательных и дотошных, это неприятно удивляет и обескураживает.

Любят почему-то некоторые «особо умные» ярлыки на других навешивать. Если одинокая, значит, задавака с непомерными запросами. Если с мужем живёт, пусть и плохоньким, то нормальная баба. Ну а такие, как я, брошенки, однозначно, ущербные.

И уже не важно, какие были мотивы для развода. Главное – результат, поэтому и диагноз ими ставится моментально и изменению не подлежит.

Хотя, нет!

Если вдруг одиночке посчастливится повторно «мужика захомутать», значит, не совсем пропащая душа. И крест на ней ставить рано.

Эх, ну их, кумушек болтливых, вспоминать. Только время терять.

А его и так немного.

Пора моё солнышко четырехлетнее будить и в школу-сад собираться. Сегодня уже пятница. Последний рабочий день. Поэтому есть очередной повод порадоваться, что завтра никуда не надо бежать по морозу в темноте.

Зима на дворе. Конец января. Но это и прекрасно. Значит, скоро весна! Всё начнёт оживать и расцветать, даря тепло и ласку.

Обожаю весну, она меня словно заряжает энергией и вдохновляет. Особенно капель, тающий снег, первые цветочки на прогалинах и обманчиво-теплое солнышко.

– Поля, зайка, вставай, – захожу в комнату малышки.

И пусть дочурка уже считает себя дамой достаточно взрослой и самостоятельной, всё же помогаю ей сделать выбор одежды для покорения очередного кавалера на неделю.

– Уверена, Артём оценит эти желтые колготки и сарафан с клубничкой, – комментирую подобранные вещи.

– Максим, – выдает мое растрепанное со сна чудо, свешивая ноги с кровати.

– Не поняла?

– Артёма Катюшка забрала. Я ей разрешила. Мне теперь Максим нравится. У него машинки классные.

– А-а-а, – киваю понимающе. – Согласна, парень с собственными авто намного лучше.

– Ой, забыла! – потешно хлопает себя по коленкам моё чудо и, соскочив с кровати, шустрой егозой убегает к столу.

Смотрю на нее и удивляюсь: как быстро летит время.

Уже меньше чем через полгода пять исполнится. Совсем взрослая и самостоятельная.

А ведь еще недавно, когда мы спешно уезжали из родного города, где остались мои родители и бывший муж, Полине было только два с хвостиком.

Такими темпами не замечу, как наступит пора покупать рюкзак и дневник для школы.

– Нашла! – взвизгивает довольно малышка, вытягивая что-то из нижнего ящика, и, победно улыбаясь, несётся ко мне. – Mamочка, с днём рождения тебя!

Обнимает ручонками и звонко чмокает в щеку. Потом в другую и еще раз в ту, с которой начала.

– Я – молодец? – уточняет дочка, когда я рассматриваю врученный подарок – сделанную её руками открытку.

И даже подписанную. Пусть криво и с ошибками, зато точно от души.

– Ты – умничка, – чмокаю в курносый носик свою красавицу. – Спасибо за прекрасный подарок!

– Тебе, правда, понравилось? – уточняет Поля, когда мы

дружно завтракаем овсянкой и чаем с печеньем. – Мне бабуля подсказала, а Анна Ивановна в саду помогла.

– Очень понравилось. Я ее в гостиной на комод поставила рядом с вазой, чтобы любоваться.

– Здорово! А за тортом мы в магазин пойдем? – надевая сапожки и шапку, уточняет самую важную вещь моя сладко-ежка.

Вот уж тут мы с ней солидарны. Обе любим побаловать себя выпечкой и кондитерскими изысками. Пусть не часто, но обязательно в дни получки.

– Да, сразу после сада вечером.

– А мороженое купим?

– А не лопнем? – смеюсь над малышкой, желающую всего и сразу.

– Не-ет. Но если тебе много, то я помогу доесть.

– Не сомневаюсь, – качаю головой. – Конечно, купим.

– Ух, класс! А какой сюрприз у нас будет завтра? – щурит голубые глазки маленькая лиса, желая выведать секрет.

– Скоро узнаешь, котёнок, – щелкаю по курносому носику и открываю дверь на улицу. – Ну что? Вперед?

– На встречу приключениям? – вылетает стрелой моя кнопка, подпрыгивая в снегу, успевшем завалить за ночь всю тропинку.

– Точно, – соглашаюсь, еще не зная, как мы с дочкой в этот момент правы.

– Здравствуйте, Юлия Сергеевна! – несется со всех сторон, когда мы с Полей подходим к нашему общему месту работы. А именно школе и детскому саду.

До сих пор не могу нарадоваться такой удаче. Ведь оба здания расположены не просто на одной улице, а буквально в ста метрах друг от друга. И всего в десяти минутах ходьбы от нашего дома. Красота, удобство и экономия времени!

– Мамочка, води себя хорошо и не обижай учеников, – выдает моя кнопка привычную фразу, важно помахивая ручкой в варежке, когда мы заворачиваем в сторону площадки, где гуляют ребяташки из дочкиной группы.

Это она так мои слова переиначила, произнесённые в сентябре. После того, как по просьбе воспитателей поговорить с «драчуньей», не дающей никому спуска и строящей мальчиков по линейке, мне пришлось проводить беседу с любимой непоседой.

А что делать, если она такой боевой командиршей уродилась, с раннего возраста научившись добиваться своего не только разговорами, но и действиями.

– Хорошо, Полин, не обижу. Но и ты обещай то же самое.
– Договорились. Буду умницей, – кивает важно малышка, уже кого-то высматривая у меня за спиной. – Но это та-ак сложно.

– Я в тебя верю! Ты справишься, – присев на корточки, обнимаю свою красавицу и, подмигнув ей, отпускаю к другим ребятам.

Поздоровавшись и перекинувшись парой фраз со знакомыми воспитателями, перехватываю в другую руку сумку-портфель и, помахав Полине, с визгом скатывающейся с горки, устремляюсь в свою вотчину – кабинет математики.

Два года назад, подав заявление на развод, я не стала выжидать положенный для примирения сторон месяц и сидеть «на попе ровно», а тут же занялась поисками вариантов, куда можно уехать.

Остаться в родном городе даже не рассчитывала. Не настолько он велик, чтобы муженек или те, кому благоверный задолжал, меня не нашли и не продолжили насыщать будни угрозами и требованиями.

Да, я боялась за свою жизнь и за жизнь Полинки. И не без оснований, учитывая, с кем связался Ракитин.

И, что удивительно, уже в те дни совершенно не переживала за Ивана.

Устала переживать, беспокоиться и волноваться о том, кому это вообще нафиг не нужно. Кому все три года нашего брака отлично жилось на всем готовом и не стыдно было пользоваться любыми подворачивающимися возможностями, без стеснения и морали: дурочкой-женой, подрабатывающей даже в декретном отпуске, детскими пособиями, тещей и тестем, желающими помочь молодой семье, даже соседями, жалеющими невезучего парня, рано потерявшего ро-

дителей.

Что ж, молодец, Ракитин. Всех вокруг пальца обвел. Рыба-прилипала из него получилась идеальная.

Хорошо, что «прозрела» я раньше, чем наступила бы точка невозврата.

И замечательно, что мировой судьей на нашем участке работала Вильданова. В день, когда нас вызвали на заседание, хитрый Ракитин не явился. Уверена, он рассчитывал на то, что заседание отложат из-за отсутствия одной из сторон.

Но... просчитался.

Ангелина Львовна решила по-своему. Допросила меня. А скорее просто побеседовала с глазу на глаз, разузнав обо всем, чтобы иметь собственное представление. Покивала, посмотрев на свидетельство о рождении Полины.

И подписала решение.

Уже на следующий день папа перевез нас с Полей жить в другое место.

Наверное, именно в тот самый сложный месяц, когда моя, казалось бы, налаженная жизнь раскололась на части и тут же вновь начала возрождаться и перестраиваться, мы особенно сильно сблизились с отцом.

Да, именно с ним, а не с мамой, как ни странно.

Только ему, пусть и не сразу, я рассказала обо всём без утайки. Нет, не жаловалась. Он бы не оценил. Как человек, привыкший командовать другими и выслушивать сухие отчеты об исключительно проверенных фактах, от меня ждал

того же.

Думаю, с задачей я справилась. Потому что отец только кивнул, показав, что информацию услышал, а после позвонил своему другу, заместителю начальника ОВД в другом районе нашей области. И попросил посодействовать единственной дочери обустроиться на новом месте.

Пал Палыч не подвел.

Подыскал работу по специальности. Преподавателем математики у пятых – девярых классов в средней поселковой школе.

Ну а дальше, прямо как в сказке, обнаружились отличные «плюшки»: поскольку местность, где нам с дочкой предстояло жить, является сельской, то для приезжего, но такого необходимого учителя выделили ведомственное жильё и вне очереди устроили ребенка в детский сад, как льготника.

Вот так и вышло, что к моменту получения решения мирового судьи о расторжении брака я имела крышу над головой, работу и место для дочки в первой младшей группе. А, переехав, еще и спокойные нервы, крепкий сон и желание двигаться дальше.

Было ли разбито моё сердце?

Нет.

Однозначно, нет.

Только в душе появилось глухое разочарование от предательства близкого человека, каковым я считала своего мужа.

И нет, я не робот. Без чувств и эмоций. А именно таковой

могла показаться.

Я обычная русская баба.

Просто, однолюбка.

И, может, к сожалению, но скорее к радости, Ракитин не тот человек, которому я однажды подарила свою любовь, а в придачу и сердце.

Эх, как же все просто и сложно одновременно.

Но сейчас не время ностальгировать.

Через десять минут звонок на урок. Значит, пора поторопиться открыть кабинет и впустить ребят в класс для подготовки к занятию.

Поздоровавшись в учительской со всеми присутствующими, быстренько скидываю пуховик и шарф с шапкой, меняю сапоги на удобные замшевые балетки и, выбрав нужный журнал, выхожу в коридор.

– Юлия... – выступает мне прямо наперерез Шляков, директор школы и детского сада по совместительству.

Причем подходит так близко, что я делаю шаг назад. Не люблю, когда нарушают личное пространство.

– Доброго утречка, – сияет он, как начищенный самовар.

– Здравствуйте, Константин Федорович, – киваю и прижимаю журнал 9А класса к груди, используя его словно щит.

Липкий, неестественно-приторный взгляд, скользящий по моей фигуре и уделяющий непозволительно много времени именно тому месту, которое я прикрываю, отталкивает и вызывает неприятные мурашки.

Брр!

Пусть мужчине всего немного за тридцать, но ранние залысины, лоснящийся лоб и довольно заметный живот, хотя нет, уже пузико, добавляют ему десяток лет, как минимум.

Да и весь он какой-то навязчивый, раздражающий и антипатичный.

– Прекрасно выглядите, – возвращается директор, наконец-то, к моему лицу.

Что радует.

– Благодарю, – едва заметно обозначаю улыбку.

– Вы подумали над моим предложением? – потирает довольно влажные руки.

Откуда знаю?

Было дело. Однажды, он схватил меня за кисть, якобы желая помочь. И вот с тех пор ощущение потных пухлых ладошек, когда я его вижу, не проходит.

– Да, спасибо, но мне это неинтересно, – делаю попытку обойти препятствие.

– А я думаю...

– Юлия Сергеевна, здравствуйте! – перебивают Шлякова девчушки из 6А, за что я их в этот момент обожаю.

– Здравствуйтесь, – улыбаюсь в ответ.

– А у нас сегодня будет контрольная?

– Посмотрим, – отвечаю, не задумываясь.

– Вы мешаете разговору взрослых! – заложив руки за спину, задирает немного подбородок Константин Федорович.

Директор.

Нет, пан-директор, не меньше!

Однако, важный вид и сдвинутые к переносице брови совершенно не впечатляют учениц, и они, кивнув: «Простите!», уносятся дальше по коридору.

Я же пользуюсь удачным моментом и ушмыгиваю в противоположную сторону.

Вот же ложка дёгтя в бочке мёда.

Глава 2

Рабочий день пролетает по привычному сценарию. Быстро, интересно и временами весело, поскольку практически в любом классе обязательно найдется тот, кто пусть не специально, но здорово «отожжёт» и поднимет настроение.

Ну, это лично моё мнение.

Потому что каждый преподаватель относится к подрастающему поколению и их «закидонам» по-разному. Кто-то, как и я, переводит всё в шутку и гасит назревающие конфликты или недоразумения на подлёте. Кто-то делает вид, что не замечает ничего странного на уроке, а потом вдруг внезапно раздувает из искры недопонимания целое светопредставление и с удовольствием бежит жаловаться к директору. А есть такие, как была в моём детстве учительница истории, ломающая указки о головы нерадивых учеников или раздающая подзатыльники налево и направо, а после выставляющая по пять двоек за занятие, топя ученика.

Что ж, каждому, как говорят, своё.

Шестой урок, где мы с 9Б классом уверенно решаем задачу с неизвестными и готовимся строить прямоугольную систему координат, потихоньку переваливает на вторую половину. Я уже планирую дальнейшие свои действия до того, как наступит время забирать Полинку из сада. И именно в этот момент отворяется входная дверь, а на пороге, блестя

лбом, появляется Константин Федорович.

Да что ж за невезуха.

Баннй лист к ж... филейной части так не липнет, как этот мужчина ко мне.

А то, что он здесь по мою душу, а не пришёл с сообщением для ребят, крупными буквами читается в его довольных глазах.

– Здравствуйте, дети, – отрывает, наконец-то, от меня сальный взор Шляков и сосредотачивается на учениках.

– Здравствуйте, – поднимаются ребята из-за рабочих столов.

Да вот только Санька Павлов чуть задерживается. Явно из-за того, что дорисовывал в тетради оси координат, так как держит в руках линейку и карандаш.

– И как это понимать? – прищуривается тут же Константин Федорович, выловив взглядом не особо почтительного индивида. – Это что за распушенность? Вы, молодой человек, так меня не уважаете или Юлию Сергеевну?

Млин... млинский.

И тут Остапа понесло...

Мелькает за секунду в мыслях.

И, к сожалению, я оказываюсь права.

Вот же собака цепная. Главное, полаять и доказать свою исключительность и значимость, а то вдруг кормить перестанут. Такому и повод не особо нужен, чтобы докопаться.

– Я очень уважаю Юлию Сергеевну, – выдаёт Сашка, да-

ря мне чистую, открытую улыбку, чем только больше раззадоривает напыжившегося Шлякова. Правда, тут же замечает быстро краснеющего директора и добавляет. – И Вас, конечно.

Поздно.

Вулкан начинает бурлить и вот–вот всех забрызгает.

– Константин Федорович, – беру огонь на себя, растягивая губы в неестественной улыбке, – у нас сложная тема, которую очень нужно закончить за...

Смотрю на наручные часы.

– Десять минут. Пожалуйста, позвольте нам продолжить. Тем более, ничего страшного не произошло. Александр, наоборот, очень ответственно подошел к поставленной задаче, выстраивая точки симметрии, и, не сомневаюсь, сможет повторить то же самое и на доске.

Подмигиваю пареньку, чуть заметно кивая и как бы спрашивая: «Сможешь?»

Уверенная ухмылка в ответ внушает оптимизм. И уже мы всем классом взираем на директора.

Большой капризный ребенок, не иначе.

– Что ж, – выдерживает солидную паузу «обиженка», – пожалуй, я поприсутствую и с удовольствием посмотрю на молодой талант.

– Тогда прошу проходить, – показываю рукой на последнюю парту в левом ряду.

Обидно, что распрощаться не вышло.

Но это бы было слишком просто, поскольку Шляков не умеет легко отступать. Канючит до последнего, пытаюсь про-
давить.

Складываю руки на груди и, кивнув Павлову топать к доске, опираюсь о край рабочего стола, чтобы наблюдать за ходом решения.

– Молодец, Саша, – выдаю минут через пять, когда мой ученик хорошо справляется с заданием и практически без ошибок вычерчивает на прямоугольной системе координат все варианты симметрии.

Оборачиваюсь к классу и цепляю краем глаза липкий про-
жигающий взгляд.

Брр–р...

Как неприятно.

Желание передернуть плечами, чтобы скинуть с себя ненужное внимание, так и зудит под кожей. Однако, сдерживаюсь и игнорирую довольно изучающего меня директора.

Лишь однажды наши глаза встречаются. Когда, задав классу новый вопрос, осматриваю всех учеников. И именно в этот момент Шлякову приходит мысль облизнуть свою нижнюю губу.

Черт!

Ну не идиот ли?

Еще бы ширинку поправил. Тоже мне, Донжуан в процессе покорения Лауры.

Как только звенит звонок, отпускаю ребят. Они же, не

будь глупцами, ноги делают дружно и быстро.

Непростой нрав директора знают все. Поэтому если и есть те, кто умудряется попасть под «разбор полётов», так это пятые – шестые классы по незнанию. И то редко.

– Вы что-то хотели, Константин Федорович? – включаю дурочку, собирая после занятия материалы урока, когда мужчина не торопится испариться вслед за уходящими.

Конечно, хочет.

Понимаю через секунду.

Разве бы стал он просто так топтаться и пыхтеть рядом, пока я разыгрываю занятость, если бы не какой-то интерес?

Поднимаю голову, отрывая взгляд от стола, и устремляю его на директора.

– Юлия, – заложив руки за спину, немного качается вперед мужчина. – Я снова настаиваю на том, чтобы Вы заняли должность моего заместителя по воспитательной части. Ребята к Вам прекрасно относятся. Значит, проблем никаких с этой стороны не будет.

Ага! Зато будут с Вашей.

Добавляю про себя.

Нет уж, спасибо! Мне такого счастья, как постоянного напруга в непосредственно близости рядом со Шляковым совершенно не нужно.

– Спасибо, Константин Федорович, но я боюсь не справиться с такой сложной задачей, – произношу вслух. – Да и опыта у меня маловато. Думаю, Алла Геннадьевна на этой

должности будет весьма ценна и незаменима.

Судя по резко скривившемуся лицу директора, заместитель в виде дамы бальзаковского возраста с командирским голосом, зализанной «шишкой» на голове и постоянно поджатыми недовольно губами – не очень радуется начальнику.

– Или Ольга Павловна, – предлагаю, как второй вариант, учителя географии. Девушку лет тридцати, пухленькую и миленькую. А, главное, тайком и с придыханием поглядывающую на Шлякова.

Ага-ага.

Оказывается, такие «красавцы» тоже могут быть объектами страсти и мечты.

– Юленька, ну не делайте вид, что не понимаете моих намеков, – подступает ближе директор, угрожая подпереть меня к столу пузиком.

Вот же, танк.

Прёт без стеснения. И ведь уверен же, что ему позволено больше, чем обычным смертным.

– Юлия Сергеевна, во-первых, – напоминаю о субординации и отхожу резко в сторону.

Однако, мои нахмуренные брови и чуть прищуренные глаза на мужчину не производят никакого впечатления.

– А, во-вторых, я уже имела с Вами беседу на эту тему и чётко дала понять, что место преподавателя математики меня полностью устраивает.

– Уверены? – неприятно ухмыляется Шляков. – А если я

помогу Вам передумать?

Мне же в этот момент до дрожи в руках хочется дать мерзавцу хорошую затрещину, чтобы поставить на место.

Вот тебе и миролюбивая я, никогда и никого не обижавшая.

Но тут, достал, право слово.

– Боюсь, у Вас не получится, – сжимаю кулачки, задирая подбородок, и смело стою на месте, когда он делает шаг вперед.

– Да что ж ты ломаешься-то всё, пигалица? Цену набиваешь? – фыркает самодовольно кретин и, больно дернув меня за предплечье, впивается в губы.

Вот тебе и пузан.

С виду рыхлый и неповоротливый мужичонка по факту оказывается намного сильнее меня. И сколько я не пытаюсь вырваться, у меня ничего не выходит.

Мерзавец не только до боли сжимает руку, но еще и в волосы вцепляется пиявкой, оттягивая голову назад. Сам же терзает мои губы, больно на них давя и стараясь просунуть свой противный язык между сжатых намертво зубов.

Придурок!

Идиот!

Фильмов что ли пересмотрел, где знойные мачо силой покоряют понравившихся дам, а те кривляются лишь для вида? Или книг перечитал про brutальных и властных героев?

И тут же возомнил себя одним из них?

Вот только, кажется, забыл, что у нас реальная жизнь, а не придуманная кем-то, и его хамский порыв – это прежде всего насилие, а не амурные знаки внимания.

Проскакивают в голове за секунду сумбурные мысли.

Я же усиленно перебираю всевозможные идеи, как отделаться от нахала, держащего меня в тисках, и продолжаю его отталкивать, упираясь ладошками в рыхлое тело.

Бесполезно. Он вообще не обращает внимания на попытки высвободиться.

В следующую минуту этот монстр отпускает мою руку, и не успеваю я обрадоваться, что получила хоть небольшую свободу, как он хватает меня за грудь.

Мерзко.

Противно.

Больно.

Всей душой ненавижу его в этот момент. И уже согласна не только обороняться, но и драться, как умею.

Пусть и не умею совсем.

Так, Юля! Соберись!

Командую мысленно.

И заставляю себя расслабиться и даже слегка разжимаю зубы, хотя тошнит от происходящего так сильно, что еле сдерживаюсь.

Шляков моментально пользуется изменившейся ситуацией и проталкивает язык ко мне в рот. Я же при этом резко

сжимаю зубы, кусая его.

И как только он, почувствовав боль, рывком отстраняется, влепляю пощечину свободной рукой. Да так громко и от души, что ладошку обжигает огнём, а звонкий хлопок оглушает.

Получай, поганец!

А были бы брюки, а не юбка, ограничивающая возможность свободно действовать из-за длины ниже колен, еще бы и между ног зарядила.

Нисколько не жалко!

Однако и уже сделанного оказывается достаточно.

Директор отлетает от меня, как ужаленный, прикрывая рот потной ладошкой и сверкая бешеными глазами.

Я же прожигаю его в ответ брезгливым взглядом, стараясь вложить весь свой гнев и презрение, и демонстративно медленно вытираю рот тыльной стороной ладони.

Честное слово, желание сплюнуть мерзкий и неприятный привкус буквально затапливает. Останавливает только то, что мы находимся в учебном заведении. Я же, как-никак, педагог и пример детям для подражания.

А вот некоторым мерзавцам ничего не мешает вести себя по-свински. Ни чёткое и категоричное «Нет!», ни моральные принципы, ни нравственные устои, ни нахождение в храме знаний.

– Зря, ты так, Юленька, – чуть шепелявит директор, дотрагиваясь до рта и рассматривая что-то на руке. – Не хо-

чешь по-хорошему... — делает паузу, — будет по-плохому.

А затем подленько усмехается, показывая окровавленные зубы, но больше ко мне не подходит.

Я же в этот момент, бросив взгляд за окно, где толпятся ученики и выходят учителя, четко понимаю: полезет вновь, и я буду кричать и звать на помощь.

Громко.

Нет, очень громко.

Неважно, что обо мне подумают после, как назовут и, может быть, даже обвинять в подстрекательстве и совращении «одуванчика». Главное, все узнают, какой наш директор мерзавец на самом деле.

— Уходите, — шиплю, прищурившись, и, сложив руки на груди, киваю в сторону двери.

На отвратительное лицо паразита даже смотреть противно. Одно радует, ярко-алый отпечаток во всю холёную мужскую щеку.

— Мы еще не закончили, — набычивается Шляков, вновь издевательски скользя взглядом по моей фигуре. И совершенно не скрывает своего интереса. Низменного и похабно-го.

— Закончили, — качаю головой, — если у Вас ко мне нет рабочих вопросов, требующих немедленного обсуждения.

— Не боишься с работы вылететь?

— За что?

— Да хоть за просто так, — выдаёт самодовольно Констан-

тин Федорович. – Ну?

– Ставите личные «хотелки» превыше потребностей школы в грамотном специалисте? – отвечаю вопросом на вопрос.

– А кто сказал, что ты грамотный специалист? Я что-то в этом уже сомневаюсь... – потирает с ухмылкой руки Шляков, заметив мое удивление.

Господи, вот же послал ты мне испытание в виде этого недоразумения, которое все величают директором школы и детского сада.

Противного, мелочного и злопамятного не по делу.

– Ваше право, – пожимаю плечами, скрывая нервную дрожь.

Что за напасть?

Отработала только два с половиной года, и, кажется, уже получила первую жалобу в отдел образования. Или что он решил? Организовать внеочередную аттестацию?

Единолично у него вряд ли получится меня уволить. Оснований недостаточно. Значит, или будет гнобить, или устроит подтасовку фактов.

А, судя по масляным глазам, последнее ближе всего к реальности.

– И дочка твоя в наш сад ходит, если не ошибаюсь. Кажется, она кого-то не так давно из детей обидела... – растягивает слова Шляков, – подралась. Ай-яй-яй, как нехорошо.

– Не вздумай моего ребенка трогать, – перехожу на «ты», поскольку этот ненормальный уже затрагивает святое. То, за

что я сама его загрызу и не пожалею.

– Может, стоит её психологам показать? Нормальная ли? – зло лыбится придурок, не впечатленный моими словами.

Я же с силой сжимаю кулачки, удерживая себя от рукоприкладства. Потому что не покидает уверенность: этот идиот целенаправленно и грамотно меня провоцирует. Чтобы сорвалась и дала ему повод реально меня шантажировать в будущем или уволить по статье.

– Только посмейте... – начинаю фразу, но звонок мобильного отвлекает.

Ох, ты Боже мой!

Савин.

Вот же, кошмар.

Я совсем забыла, что Пал Палыч обещал заскочить ко мне домой к трём, чтобы передать гостинцы для отца. На завтра я планировала с Полинкой поездку к родителям. Первую за два с половиной года.

Так сказать, сюрприз для малой и моих стариков на собственный день рождения. Поскольку еще ни разу я не появлялась в родном городе, покинув его после развода.

У нас сразу повелось, что в гости приезжает отец, один или с мамой. Правда, последняя бывала реже. К сожалению, в последние годы между нами не заладилось. Не зная всей правды о причинах распада молодой семьи, мама заняла сторону Ивана, явно ей что-то наплёвшего с три короба в своё оправдание. Я же не стала спорить и перетягивать одеяло на

себя.

– Привет, Юленька, – слышу басовитый голос старинного друга отца, с которым они познакомились еще в военном училище и дружили до сих пор. – Тебя, кажись, дома нет? Или просто не открываешь старику?

– Добрый день, Пал Палыч. Прошу прощения. Задержалась на работе.

– И долго тебе еще там?

– Нет, – скашиваю глаза на нежелающего уматывать во свояси директора и, кажется, старающегося подслушать чужой разговор. – Уже освободилась.

– Замечательно. Тогда я минут через пять – десять подъеду к крыльцу и отвезу тебя домой. Незачем лишний раз красивой молодой девушке тяжести таскать.

– Хорошо, постараюсь быть вовремя, – радостно рапортую в трубку.

Савин настолько замечательный мужчина, открытый и прямой, что улыбка сама собой расползается по лицу.

– У Вас еще есть какие-то вопросы ко мне, Константин Федорович? – сбросив вызов, оборачиваюсь к Шлякову.

Разговор с Пал Палычем, как глоток живительной влаги, за пару минут придаёт мне энергии и добавляет уверенности в собственных силах. Подсказав, что я ни одна в этом мире. И не все такие гнилые и ущербные, как мой начальник.

– Вопрос с назначением на должность моего заместителя я всё ещё оставляю открытым и жду от тебя положительно

ответа в понедельник, – фыркает упёртый баран, двигая челюстью.

– От Вас, – поправляю я его. – Будьте любезны соблюдать субординацию и впредь мне не тыкать.

Подхватываю журнал 9Б класса, свою сумочку и ключи и, обогнув по дуге директора, распахиваю дверь, приглашая жестом освободить помещение. Помявшись несколько томительных секунд, Шляков всё-таки уходит, даря на прощание сальный взгляд-обещание.

В учительской быстренько убираю всё на свои места и, надев зимнюю одежду и обувь, устремляюсь в коридор.

Вот же гнилой человек! Решил мне день рождения испортить?

Не выйдет.

Бурчу про себя, ещё раз проматывая в голове случившийся в математическом классе неприятный эпизод, и направляюсь к входным дверям школы.

Внезапное столкновение плечами с Чернаковой заставляет очнуться и вернуться в реальность.

– Простите, Ольга Павловна. Я Вас не заметила, – с улыбкой беру по привычке всю вину на себя, чтобы не затягивать разборательство. Хотя совершенно не помню, как она оказалась на моём пути. Только что тут совершенно никого не было.

– Аккуратнее нужно быть, а не глазами по сторонам стрелять, – резко обрывает мой позитивный настрой учительни-

ца географии, рассматривая меня чуть прищуренными глазами.

Ух-ты, какие мы злые и важные!

– Учту, – киваю, показывая, что услышала замечание.

Сама же удивляюсь, куда подевалась милая и задорная хохотушка? И что за надутый хомяк вселился в эту особу.

– Вертихвостка! – летит мне тем временем в спину, от чего я даже спотыкаюсь.

Здра-асти – приехали!

Да что за день-то такой?

Глава 3

– Ну, что, солнышко, готова к путешествию? – уточняю у дочурки перед посадкой на междугородний автобус.

Поля на этом виде транспорта каталась только ради интереса и познания всего пару раз в прошлом году. Я оплачивала поездку в один конец поселка из другого, а потом в обратную сторону. Вот так и развлекались.

А что делать, если я водительских прав не имею, да и за руль садиться боюсь? А наш дедуля живёт далеко и на «машинке» повозить может редко.

– Готова, мамочка, – сияет улыбкой моё чудо.

Гляжу на нее и люблюсь.

Маленькая кнопка, но уже очень самостоятельная и деловая. А ещё миленькая и симпатичненькая. Просто куколка! Особенно в небесно-голубом пуховике ниже коленочек, белых дутых сапожках, варежках и белоснежной пушистой шапочке на манер капора с меховой опушкой по краю.

– В рюкзак всё положила? Ничего не забыла из подарков и «сюрпризиков»? – уточняю в сотый раз.

Очень уж мне нравится деловой подход Полины к важным делам. Её организованность, вдумчивость и сообразительность.

Даже про таблетки от тошноты вспомнила именно дочка, а вот я, растяпа, забыла бы непременно.

– Точно, всё. Я два раза проверяла.

– Вот и отлично, – подмигиваю своей умнице, и мы, взявшись за руки, подходим к другим пассажирам, выстроившимся в нечеткую очередь на посадку перед открытыми дверьми нашего автобуса.

Показав билеты и заняв положенные места, где мне достается то, что ближе к проходу, а Поле у окна, снимаем варежки и головные уборы и довольно выдыхаем.

– Приключение уже начинается? – попрыгав на сидении и оценив его мягкость и удобство, уточняет малышка.

– Точно, – киваю в ответ.

Ну не говорить же ей, что мои приключения начались уже вчера на работе благодаря директору и его «тараканам». О чём напоминают гематомы на предплечье, отдающие легкой болью, если дотронуться.

– А нам долго кататься, ма?

– Почти четыре часа, котёнок.

– Ого, значит, дневного сна, как в садике, не будет? Красотища-а-а, – заявляет бодро моё чудо, потирая ладошки.

И уже минут через сорок засыпает, подложив одну из них под щеку.

Я же, устремив взгляд в окно на пробегающие вдоль дороги деревья, украшенные белоснежными шапками, проваливаюсь во вчерашние события, анализируя свои и чужие поступки. Совершенно уверена, что вела себя правильно и даже смело, учитывая какая я, в принципе, трусиха и бояка.

А поганец Шляков несомненно распоясался, распуская руки и пытаясь прогнуть меня, используя для этого должностное положение.

Не сомневаюсь, что этот кретин теперь не отстанет просто так и в понедельник обязательно продолжит свои нападки и подставы. Ах, да, еще непременно выест мозг, пока не выяснит, по какому поводу к школе приезжала полицейская машина, куда я села, покидая в пятницу школу.

А в том, что меня видели, а точнее прожигали спину недобрым взглядом, не колеблюсь ни секунды. Настолько он был осязаемым и давящим, что заставил невольно обернуться. Поэтому и заметила, как шевельнулись жалюзи в директорском окне, а в соседнем, относящемся к учительской, с гордым видом стояла Ольга Павловна Чернакова, совершенно не стесняясь и разглядывая меня во все глаза.

Вот же любопытные Варвары.

Хотя, чему удивляться?

В относительно маленьком поселке, где все друг друга знают если не официально, то номинально обязательно, любое незначительное событие – как горячая новость с передовицы. К этому просто стоит привыкнуть, особенно человеку, выросшему в пусть и небольшом, но всё же городке, где до тебя другим нет никакого дела.

Хмыкаю и качаю головой, в очередной раз удивляясь, как всё-таки кардинально поменялась моя жизнь в довольно короткие сроки.

А потом сама не замечаю, как засыпаю.

– Дедуля! А это мы приехали! – с порога, пританцовывая, громко оповещает Полина, как только папа открывает дверь.

Кнопка успела за время в пути хорошенько выспаться, а проснувшись, слопать пачку крекеров с сыром, наблюдая за мелькающими за окном автобуса «интересненькими» домами и деревьями, разукрашенными Дедом Морозом. И, к счастью, отлично перенесла всю дорогу. Её нисколько не укачало и не утомило, о чём я тайком переживала.

По выходу из транспорта она так фонтанировала энергией, что совершенно спокойно восприняла двадцатиминутный поход с сумками от автовокзала до дома родителей. Кажется, даже его не заметив, потому что крутила головой налево и направо, задавая тысячу вопросов и еще как минимум сотню вдогонку.

Я думала, устанет и выдохнется.

Да ну как же!

Наивная я дама. Однозначно, ошиблась.

Вот и сейчас принцесска прыгает, как мячик, сверкая хитренькими глазками, и смотрит на деда с обожанием, присутствием только маленьким детям:

– Хороший сюрприз? Удивили? Скажи! Только честно!

– Очень-очень удивили, – подтверждает тот, расплываясь в улыбке и подхватывая на руки хохотушку.

Отец во внучке души не чает, холит и балует во всю. И

приезжать к нам старается почаще, и времени не жалеет, умудряясь с ней играть даже в куклы и «парикмахерскую». Хотя, казалось бы, разве может быть это интересно бывшему офицеру? Серьезному и очень сдержанному в эмоциях мужчине?

Оказывается, может.

А вот со мной в своё время он таким не был. И уж потому ли, что служба съедала львиную долю времени, оставляя для семьи ничтожные крупички, или выражение «внуки дороже детей» тут нашло своё яркое отражение, я не знаю.

Да и не горю желанием ворошить прошлое. Зачем?

Главное, что наш дедуля – самый замечательный и лучший на свете. Тот, кто является для Полины идеалом и заменяет ей всех мужчин.

Нет, про папу Ивана с дочкой мы тоже разговаривали не так давно, когда этот вопрос проскочил в нашей беседе. Огород городить я не стала. Как и отправлять бывшего супруга в космос, плаванье или командировку на Северный полюс. Просто ограничилась объяснением, что он есть, живой и здоровый, только пока не может приехать, так как сильно занят.

А уж занят ли он, зарабатывая деньги или спуская их по-прежнему в игры и на ставки, уже не моё дело. Пусть сие остаётся на его совести. Мне неинтересно, поэтому и у родителей про него ни разу не уточняла.

А вот мама, наоборот, при каждой встрече старается на

эту тему поговорить и непременно настоять на своём: чтобы «запутавшаяся дочь» одумалась и «потрудилась заняться восстановлением сожжённых мостов».

Да, Вера Васильевна оказалась идейной приверженкой теории: «Ребенку нужен отец! Не важно какой! Любой!»

Поэтому всеми силами продавливала мысль, что я должна сама «вернуться к супругу и покаяться, прося прощение за свою слабость, поскольку сбежала от ответственности, как только в семье наступили сложные времена».

Вот так, и никак иначе.

Блин, уж не знаю, что там Ракитин плёл, но исполнял он это столь грамотно и виртуозно, что временами напоминал шарлатанов, гипнотизирующих людей и заставляющих их отдавать последние крохи, отложенные на «черный» день. Потому как мама уже третий год не слезала со своего любимого конька с моим возвращением.

И, главное, зачем?

Зачем он это делал?

Зачем промывал неустанно мозг и науськивал по сути бывшую тещу, если в любой момент сам легко мог приехать и поговорить, если уж так этого желал?

Нет.

Ни разу не был за два года.

Даже «так горячо любимую и отнятую у него дочь» за всё время не навестил. Ни в последний месяц нашего пребывания в родном городе, ни после, когда перебрались в Лесное.

И говорить о том, что его жена и дочь исчезли в неизвестном направлении, право слово, смешно. Поскольку ни секунды не сомневаюсь: мамуля сдала все явки и пароли, а именно мой и Полинин новый адрес, в тот же день, как о нём узнала сама.

Ну, выбрала она его сторону, а не мою... Что ж, обидно. Но ничего не поделаешь. Она – мой родной человек, а значит, нужно быть терпимее.

А вот Ракитина и дальше по возможности стоит обходить стороной, потому что его неутихаемый интерес начинает нервировать.

– Коля, кто там? – слышится голос мамы со стороны кухни, а потом появляется и она сама, выдергивая меня из навеянных родными стенами воспоминаний. – Батюшки! Поля! Юля! Вот так подарок вы нам сделали!

– Бабуля, твоя сладкая конфетка приехала, – выдаёт дочка, сияя ямочками на щеках. И, спрыгнув с дедовых рук, устремляется обниматься уже к ней.

– Это отличная новость, моя золотая! Давайте-ка, девчонки, быстренько раздевайтесь, а-то совсем употеете.

– Я сама, – тут же заявляет моё чудо, демонстрируя самостоятельность.

От чего получает заслуженные похвалы от любимых родственников.

– Умница. Всё сложила, а не разбросала, – комментирует свои наблюдения бабушка. – Совсем взрослой стала.

– Это потому что я в садике кашу утром кушаю каждый день, – с важным видом выдаёт «взрослая мадам», чуть вздергивая носик, и сразу смеясь добавляет. – А вот Олежка кашу не ест, так мелкий и тощий, что его ветром унести может. Он поэтому с Анной Ивановной всегда за ручку ходит.

– Да, непорядок, – подыгрывает дед и, подмигнув, показывает внучке на свой кабинет. – Пойдем-ка на важное дело. Будем твой рост отмечать прямо на стене, чтобы на память осталось.

– Правда? – распахивает широко глазёнки дочь, моментально соглашаясь, но сразу уточняет. – А бабуля нас не заругает?

– А мы ей не скажем, – слышится уже еле слышно, так как говорится шепотом.

– Пойдем на кухню, чайку пока попьем, – кивает мама в сторону её любимого места в доме, внимательно меня рассматривая. – Ох, Юлька, уже двадцать семь, а ты у меня, как девочка. Только краше с каждым годом становишься.

– Ой, скажешь тоже, мамуль, – улыбаюсь искренне, ощущая, как соскучилась по ней за прошедшее время.

Ну да, не зря говорят: «Маленькая собачка – до смерти щенок». Вот и я мелкая, всего метр шестьдесят один. Пусть и не тощая, но худенькая. Однако, попа есть, а вот верхние девяносто, совсем не девяносто, а только восемьдесят пять.

– Как в школе дела? Устраивает? – задаёт вопросы мама, начиная по привычке с нейтральных тем.

– Всё хорошо, мне очень нравится.

– Ученики не обижают?

– Нет, конечно. У нас с ними мирное соглашение подписано, – шучу, забираясь в кресло, которое обожала еще с детства.

– А директор и коллеги? Нормальный коллектив?

– Э-э-э, неплохой, – киваю, слегка удивляясь, как чётко вопрос накладывается на неприятную ситуацию со Шляковым.

Глупое совпадение...

Качаю головой.

Где живу я, а где мама.

Да и что бы она могла сделать?

Попросить директора ко мне приставать?

Бред!

Одергиваю саму себя.

– Мужчину ещё не нашла в новом месте? – переключается на другое мамуля, расставив чашки с горячим напитком и присев напротив.

– Нет, и в мыслях не было, – хмурюсь, ожидая перехода к излюбленной теме.

И оказываюсь права.

– Юлька, а может вернёшься? Ну что ты там одна маешь-ся? Без родных. Да и Полине отец нужен.

Эх, всё по-прежнему...

Зря надеялась избежать неприятного разговора.

– Нет, мамочка, Лесное – прекрасный посёлок. Мне очень нравится в нём жить. И Полине тоже, – улыбаюсь солнышку, входящему за руку с дедом в кухню. – Правильно?

– Да, у меня даже жених уже есть, – тут же включается в разговор дочка и красочно повествует о выгодном ухажере с машинками.

Я же, вспомнив про гостинцы от Пал Палыча, убегаю в прихожую.

Так, Юлёк!

Вера Васильевна у нас женщина непробиваемая и упёртая. Значит, просто не принимаем её критику близко к сердцу.

Даю себе мысленную установку и, подхватив баул с подарками, отправляюсь назад.

Глава 4

– Юля, что это? – прищуривается отец, разглядывая гематому у меня на плече.

Я только-только вышла из душа, надев лишь футболку с коротким рукавом и спортивные штаны, пока мама с Полиной отправились прогуляться до магазина за тортом и мороженым. Да, моя дочка, хитрая лисичка, уболтала дедушку с бабушкой отметить мамочкин день рождения еще раз и всем вместе. Так сказать, среди самых близких и родных.

Перевожу взгляд на руку, хотя и так знаю, что там обнаружу. Отпечатки пальцев Шлякова. Четыре ярко-малиновых пятна. Правда, если локоть приподнять, то и пятое также будет отлично заметно.

– Кто? – не дождавшись ответа на первый, в принципе, риторический вопрос, папа тут же переходит к следующему.

Да, пусть он и ушёл на пенсию, но характер-то сохранил, как командирский тон и хватку следователя. Поэтому, как говорится, сопротивление бесполезно и лучше сразу сознаться во всём. Так и время сэкономится и папины нервы целее будут.

Вижу же, как уже переживает: губы чуть поджал, глаза маленько прищурил, кулак правой руки напряг.

– Шляков Константин Федорович.

– Директор, значит, – кивает скорее себе, чем мне,

устремляя взгляд в сторону.

Его памяти на фамилии, да и другую важную информацию уже давно не удивляюсь. Знаю, что профессиональное. Он и номера мало чьи в телефон записывает. Причём, скорее малознакомых людей, чем близких и друзей. Нужные все в памяти держит.

– Давно он тобой озаботился? – прилетает следующий вопрос.

– Да нет, – отвечаю любимым русским сочетанием противоположных по значению слов. – Неделю. Или чуть дольше.

– И чего хочет?

– Ну, чего хочет? – пожимаю плечами, складывая руки на груди. – Заместителем меня назначить по воспитательной части.

Фыркаю непроизвольно.

Настолько это со стороны кажется бредовым.

– И?

– И получить благодарность, – киваю, когда папа приподнимает бровь.

О том, что именно подразумевается в моих словах, не проносим, потому как и без этого друг друга понимаем отлично.

– А это впервые? – кивает на гематому. – Или уже было подобное?

– Нет, впервые. В пятницу после уроков Шляков решил быть более настойчивым в уговорах, – хмурюсь, вспоминая

неприятный инцидент.

– Отпор дала, – уверенно произносит отец, наблюдая за моей мимикой. – Не испугалась?

– Испугалась, – признаюсь честно.

– Умница, дочка, – легонько хлопает по плечу, подбадривая.

Я же краснею от похвалы, как школьница.

Уж папка как никто знает, что я еще та трусиха и бояка.

Даже в педагогический пошла только из-за того, что с детьми мне легче и как-то спокойнее общаться и находить общий язык, чем со взрослыми, порой неадекватными личностями, буквально жаждущими или спустить пар за счет других, или самоутвердиться.

И вот чего Шляков ко мне полез?

Задаюсь в очередной раз мучающим меня вопросом.

Учителей в школе достаточно. И работают они побольше моего, и опыт педагогический не в пример солиднее. Да и энергией пышут так, что глаза горят лишь бы творить, внедрять, вдохновлять и наставлять юное поколение.

Да и свободных молодых дам, если уж ему приспичило «лямур» на рабочем месте крутить, не одна, и не две. Даже наблюдаются такие, кто и счастлив был бы, подмигни он им. Вот та же Чернакова, к примеру.

И не скажу, что я прямо писанная красавица, глаз не отвести.

Симпатичная, да. Не спорю.

Большеглазая брюнетка, со смуглой бархатной кожей.

Ну, а если подробнее, то глаза каре-зеленые, брови и ресницы черные сами по себе, так как тушью пользуюсь очень редко, нос и рот вполне обычные. Зато волосы, однозначно, шикарные: густые, длинные и немного выющиеся. Я их еще ни разу не красила, только хной бесцветной укрепляла. Поэтому они естественного пепельно-коричневого цвета.

Вот и выходит, что ничего выдающегося во мне нет, а Константина Федоровича «накрыло», как капризного ребёнка: «Хочу эту и никого другого!».

– Давай, я сегодня с вами поеду, а завтра с утра с этим директором переговорю по-мужски? – предлагает отец, выдергивая меня из задумчивости в реальность.

– Не, пап, – качаю головой и, подмигнув, улыбаюсь. – Пора самой учиться держать удар.

Если разобраться, я не столько боюсь Шлякова и его приставаний, сколько меня нервируют предстоящие непереносимые пересуды, разборки и шепотки за спиной не только со стороны коллег по работе, но и немногочисленных знакомых.

Уверена, только ленивый не будет обсуждать ситуацию, особенно, в которой замешан сам директор одной из школ посёлка.

– Смотри, если что... – начинает отец, хмурия брови, но я его перебиваю, так как слышу поворот ключа в замке.

Полиночка с бабушкой возвращаются. Значит, пора за-

круглять разговор.

Маме знать о том, что у меня какие-то проблемы на работе, не обязательно. Не за чем давать очередной повод завести любимую тему с возвращением и покаянием.

– Хорошо, пап. Если что, я сразу тебе позвоню, – чмокаю родителя в шершавую щеку и сбегая в свою бывшую комнату, надевать толстовку с длинными рукавами.

– Мамочка, а ты знаешь, где мы с бабулей были? – сняв сапоги и шапку, подбегает Полина делиться важными новостями.

Краснощекая с мороза, с горящими от восторга зелеными глазками, довольной улыбкой на губах и заборными ямочками. Она вызывает непреодолимое желание её затискать и зацеловать. Потому не сдерживаюсь и, обняв, звонко чмокаю в левую и в правую холодную щёчку.

Солнышко моё любимое. Самая лучшая девочка на свете.

– Нет, котёнок, еще не знаю, – улыбаюсь в ответ, помогая снять влажные варежки и расстегнуть пуховик.

– На горке! Представляешь?

– Да ты что? Здорово! Понравилось?

– О-о-очень! Она большая-пребольшая. Как три наших в детском саду, – разводит руками, показывая размеры. – Я десять раз прокатилась.

– Целых десять? – приподнимаю удивленно брови, так как цифры Поля еще только начала учить и потому нередко до-

пускает ошибки.

– Ага, бабуля помогала считать, – кивает важно моя радость.

– Замерзнуть не успела?

– Не-а. Я же бегала. А Егорка мне свою ледянку давал.

– Ого, с кем-то познакомилась?

– Да. Егор Иванов. Шесть лет. Ходит в садик. И у него дома есть кошка Машка.

– Чувствуется дедова порода, – смеюсь, качая головой, выслушав доклад.

И переглядываюсь с отцом, довольно подпирающим плечом косяк.

Во уж, ни дать, ни взять. Умением задавать правильные вопросы и запоминать информацию моя дочка вся в него пошла.

– А мороженое и торт купили? – напоминаю про сладости, за которыми собственно две дамы нашего семейства и отправлялись изначально.

Потому что ни у одной, ни у второй в руках никаких сумок и пакетов не наблюдается.

Сама же иду развешивать все влажные после прогулки вещи на батарее. Потому что, если варежки еще можно заменить или снять в автобусе, то вторых теплых штанов я не захватила. А сидеть в сырых четыре часа к ряду – это гарантированное заболевание.

Ладно, нестрашно. Всё успеем. Отопление в доме родите-

лей работает замечательно. Да и время еще позволяет, автобус только в пять часов вечера будет.

– Ой, – слышу за спиной.

Оборачиваюсь и наблюдаю, как Полина округляет глазки и делает такое печально-уморительное личико, что еле сдерживаюсь, чтобы не рассмеяться.

– Мы забыли...

– Про что, милая? – тут же реагирует дед.

– Про покупки, – разводит руки в стороны солнце, поглядывая на бабушку.

– Ого! – удивляюсь от души.

Чтобы моя сладкоежка и про лакомство не вспомнила?

Нонсенс.

– Так вы после горки сразу назад домой пошли, забыв про магазин? – уточняю у своей красавицы.

– Нет же! Мы еще в кафе заходили и там чай пили... с пирожным.

– В кафе? – поражаюсь еще больше, так как мама у меня не приверженец перекусывать в общественных местах.

Как человек старой закалки, она считает, что полезна только домашняя, натуральная еда. А не та, что приготовлена неизвестно кем и непонятно из каких продуктов.

– Да, нас угостили. Скажи, бабуль?

– Верно, внученька.

– И кто? – уточняю у обеих дам, юной и в возрасте, когда они перемигиваются.

– Па...

– Подруга моя. Марина Федоровна. Ты такую не знаешь,
– взмахивает рукой мама, отвечая вперед Полины.

И тут же перехватывает её за руку, утягивая за собой.

– Пойдём-ка, красавица, ручки мыть. Мы были на улице
и нахватили разных микробов. Надо их прогнать.

– А тортик как же? – слышу приглушенный голос малышки, когда наши гулёны уходят.

– Пойду в магазин, – хмыкает отец, качая головой. – Не дело это: внучку расстраивать. Обещали сладости, надо выполнять.

– Подожди, пап. Я сама схожу. Заодно и чего-нибудь в дорогу присмотрю, чтобы похрустеть, если проголодаемся.

– Уверена? Ты же только после душа.

– Да, не переживай. Лучше с Полиной поиграй, чтобы она устала и всю обратную дорогу спала.

– Договорились, – подмигивает отец.

Спустившись вниз и посмотрев налево и направо, решаю немного прогуляться вдоль по улице и зайти в гипермаркет, где выбор товаров, а значит, и тортов будет побольше, чем в «Магните у дома».

Что ж, моя задумка оказывается верна и глаза буквально разбегаются, когда я решаю, на каком из чудо-десертов остановиться.

Моя сладкоежка не приверженка какого-то особого кулинарного шедевра. Она с удовольствием лопаёт и медовик, и шоколадницу, и йогуртовый с фруктами.

В этот раз решаю остановиться на орехово-шоколадном небольшом торте с вишней и взбитыми сливками, уже поделенном на кусочки и очень красиво оформленном фигурными завитушками.

– Юлька? Красавина? – слышу за спиной знакомый голос, а обернувшись, замечаю свою одноклассницу и одногруппницу по педагогическому колледжу Наташку Смирнову.

– Привет, Татка! – отзеркаливаю теплую, искреннюю улыбку.

– Привет, дорогая! – тут же обнимает она меня. – Сто лет не виделись. А мне сказали, что ты уехала.

– Правильно сказали, – отклоняюсь и рассматриваю старую школьную подружку.

Холёную и ухоженную, с идеальной причёской и макияжем, в белой норковой шубке до середины бедра и бежевых ботфортах на убийственной шпильке.

– Красавица, – киваю уверенно, вернувшись к лицу. – Как в школе парням головы кружила, так и теперь продолжаешь.

Комментирую, заметив, как проходящий мимо мужчина буквально пожирает Смирнову голодными глазами.

– Пускай смотрят, не жалко. Что ж им ещё остаётся, – хмыкает Наталья, показывая правую руку, где сияет обручальное колечко. – Я теперь дама занятая, так что больше им

всё равно ничего не обломится.

– Вау! Поздравляю! – обнимаю её еще раз, поглаживая по спине. – Значит, теперь не Смирнова?

– Верно, Осипова.

– Давно?

– Полгода. Ладно, обо мне потом. Лучше скажи, ты где? Как? Куда вы с Ракитиным переехали? – заваливает она кучей вопросов.

– Я одна уехала, Татка. Точнее, с дочерью. Полинкой, – улыбаюсь, пожимая плечами.

– Ого! Развелась, что ли?

– Ну, да.

– Давно?

– Скоро три года будет.

– А дочке сколько?

– Почти пять.

– Обалдеть, Юлька, как чужие детки быстро растут, – качает она головой.

Я же просто радуюсь, увидев старую добрую знакомую.

– Милая, ты где потерялась? – подходит к Осиповой мужчина основательных таких габаритов и обнимает её сзади, целуя в щеку. – Я уже стал волноваться.

М-да, если за Натальей в школе и техникуме бегали ухажеры разномастные. И толстые, и тонкие, и низкие, и высокие. То она всегда отдавала предпочтение только большим и высоким, напоминающим русских богатырей. Или, как те-

перь говорят, шкаф с антресолями.

Вот и этот оказался тоже из «той оперы».

– Подружку-одноклассницу встретила. Заболтались. Кстати, знакомьтесь. Мой муж Михаил Осипов, а это Юля Красавина. Мы вместе отучились одиннадцать лет в школе и после еще три года в колледже, – рапортует, взяв мужчину под руку, моя старая знакомая.

– Приятно, – пожимает мне ладошку Михаил весьма аккуратно, перестав, наконец-то, хмуриться.

Ну да, с моим 161 сантиметром почти двухметровый дядя в высоту и метровый в ширину – это реально, как Слон и Моська. А вот с Таткой они смотрятся очень ладно и гармонично.

Я бы добавила – шикарно.

– Взаимно, – обозначаю улыбку и киваю.

– Так, девчонки, давайте недолго, иначе мы опоздаем. И вообще, через неделю же увидите, успеете наговориться. Или ошибаюсь, Натусь?

– Нет, Мишань, ты – золото! – чмокает мужа в щеку Осипова. – Спасибо, что напомнил.

Перевожу взгляд с одного на вторую, не совсем понимая, о чём речь. Но меня быстро просвещают.

– Десять лет со дня окончания школы. Юлька, ты чего? Совсем забыла?

– Ну, да, – пожимаю плечами.

Я этими вопросами давненько не интересовалась, да и не

считала прошедшие годы. Всё не до них было как-то. Других забот всегда хватало.

– Так, давай свой номер телефона, позвоню на неделе и обо всём точно договоримся. А-то мы и правда, опоздаем. А нам еще за город ехать на юбилей родственника.

– А о чём договариваться-то будем, Татка? – спрашиваю, когда пара Осиповых уже разворачивается уходить.

– О встрече выпускников, естественно. Практически все уже согласились. Только тебя и Лёньки Булкина найти не могли, – оттарабанивает подруга и, чмокнув в щеку, исчезает за стеллажами вместе со своим благоверным.

Я же прокручиваю в голове её последние слова.

Будут все...

Все.

Все?

И Он тоже?

Глава 5

Бабушка Валя, пока была жива, всегда мне твердила: «Смотри, Юлька, внимательнее по сторонам. Счастье, оно хитрое, часто рядом ходит. Ты его можешь и не заметить поначалу, проморгать по незнанию. Или нос задрать, выискивая где-то вдалеке. А оно, раз, и совсем близко. Да так, что сам диву даёшься, когда поймешь, о ком речь шла. И самое страшное во всём этом, упустить его, не доверяя собственному сердцу».

Эх, бабуля, как же ты, милая, была права.

И как я слепа. Слепа слишком долго.

И что смешно и грустно одновременно, поучала ты, думая о своей жизни, а оказалось, что и мою твоё знание крылом задело.

Зато теперь только и остаётся, что вспоминать тебя с теплотой и нежностью и удивляться житейской мудрости.

Жаль, с опозданием.

Потому как именно сердцу я однажды и не поверила, когда стоило бы это сделать. Рискнуть. Довериться. А не отступить, позволив страху и сомнениям диктовать свои условия.

Что уж говорить?

Тогда я была совсем молодой и глупой. Только-только познававшей мир девчонкой, потихоньку выбирающейся из своей личной домашней раковины, где проводила всё сво-

бодное время.

Да-да-да.

Я всегда являлась и до сих пор остаюсь жуткой домоседкой. Любящей вместо клубов, баров и дискотек домашний уют, мягкий диван, плед и интересную книжку под боком.

Нет, в юности я не была изгоем или одиночкой. С удовольствием общалась с подругами, приходящими в гости поболтать обо всем. Но вот дальше подъезда, где мы могли часами сплетничать, смеяться и играть в карты, не рвалась.

Бродить по городу, щелкать семечки и тратить время, топая по одним и тем же улицам ежедневно? Нет, это не ко мне. Скучно, однообразно, надоедливо.

А вот почитать истории о приключениях, о прекрасных принцессах и драконах, эльфах и демонах, спасающих миры, романы о любви обычных девушек и серьезных мужчин... Да, с удовольствием! Хоть до утра.

Глупая ли я была или такая вот странная. Но и в семнадцать, и даже в восемнадцать, когда подруги во всю гуляли с парнями, а некоторые еще и умудрялись выскочить замуж, я только улыбалась.

И шла домой. Читать.

Мальчики мне были неинтересны. Совсем.

Только в девятнадцать девчонки умудрились всё же затянуть меня в клуб...

И именно тогда произошла наша первая странная встреча с Ним. Так сказать, в неформальной обстановке.

Почему странная?

Потому что я впервые взглянула на этого человека, как на парня. На мужчину, а не бесполое существо, каким всегда представляла на протяжении тринадцати лет.

Взглянула и утонула в глазах. Карих, выразительных и очень теплых. И ужасно испугалась собственных чувств и эмоций.

А после сбежала, делая вид, что ничего не произошло, и выстроила вокруг себя крепость.

Ровно год Он усердно меня осаждал, пробивая броню снова и снова. И я не устояла, дала шанс... Один единственный.

Вот только судьба распорядилась иначе. Глупая случайность, нелепость. Но я в неё поверила, как в знак свыше, и включила заднюю скорость.

Была ли я тогда глупой?

Да.

Трусихой?

Естественно.

Страусом, прячущим голову в песок?

Однозначно.

Жалела ли я о своем поступке?

Конечно. Много раз. Хоть и не с самого начала. А лишь когда поняла, что потеряла Его окончательно.

Когда узнала, что Он ушел. Исчез насовсем. Собрал вещи и уехал в неизвестность, прихватив заодно и моё сердце.

Жалею ли я сейчас?

Ту, двадцатилетнюю девочку – да. Теперешнюю себя, однозначно, нет.

Потому что всё равно верю: что не делается, всё к лучшему!

А разве я могу думать по-другому, глядя на своё сокровище, сладко сопящее в кресле автобуса, везущего нас домой?

Нет.

Значит, не судьба.

– Мама, а нам долго еще ехать? – вытряхивает из размышлений Полина, потирая сонные глазки и выглядывая в окно, где кроме обочины, освещаемой боковыми габаритами автобуса, ничего не видно.

Зимой вечерет рано, а мы и так уезжали в половине шестого, когда наступали сумерки. Сейчас же почти девять, потому не удивительно, что такая темень кругом, еще и лесополосу пересекаем.

Включаю экран телефона, достав его из кармана пуховика, и отмечаю, что осталось чуть меньше часа до прибытия, о чем и сообщаю малышке.

– Хочешь воды? – киваю на бутылку, лежащую в заднем кармане впередистоящего кресла. – Или крекеры?

– Нет, – заворачивается снова в курточку, пряча ладошки в рукавах и с неудовольствием смотрит на ремень крепления. – А можно его снять? Он мешает.

– Нет, родная, правилами безопасности положено быть

пристегнутым. Потерпи немного, скоро приедем.

– Ла-адно, – надувает слегка губы моё чудо и устраивается поудобнее, поворачиваясь боком, – тогда я еще посплю чуть-чуть.

– Вот и правильно, – киваю с улыбкой.

– Разбуди меня, как в поселок въедем. Я хочу посмотреть по сторонам.

– Договорились, – поправляю упавшую на глаза дочери выбившуюся из хвостика прядь и тихонько глажу по голове.

И двух минут не проходит, как малышка засыпает, чуть приоткрыв ротик.

Да и неудивительно. В салоне достаточно натоплено, верхнее яркое освещение давно отключено. Точечно горят только тусклые неоновые лампочки, создавая голубой полумрак. Двигатель автобуса работает мерно, урча, как большой кот, да и укачивает по усыпанной снегом дороге, как в колыбели. Вот и меня саму время от времени клонит в сон.

Пока размышляю, не составить ли всё-таки компанию дочери и таким образом «сократить» время в пути, неудачно поворачиваюсь. И телефон, остававшийся на коленях, про который я совершенно забыла, соскальзывает куда-то на пол под переднее сидение.

– Зараза, – шиплю тихонько, поскольку сидящие с другой стороны пассажиры тоже дремлют, как Полянка.

Да и вообще складывается ощущение, что спит весь автобус. Только где-то в конце салона раздаются шорохи, редкие

смазанные слова и приглушенный смех. Явно, молодежь на галёрке веселится, не желая, как большинство, отдаваться в объятия Морфея.

Отстегиваю свой ремень безопасности и наклонюсь вперед, шаря наощупь и стараясь достать «сбежавший» гаджет. Слава Богу, получается практически с первой попытки. Улетел он недалеко.

Целое, без сколов и трещин стекло экрана невероятно радуется, поскольку покупку нового средства связи включать в список предстоящих расходов совершенно не хочется. И так трат предостаточно, учитывая, что живём мы на мою зарплату, а Ракитин на Полину алименты не платит.

Да, я сама приняла такое решение и нисколько об этом не жалею.

Иметь дело с жадиной и крохобором, каким показал себя бывший муж, когда при разводе мы затронули вопрос о разделе совместно нажитого в браке имущества, и переживать лишний раз, что он заставит письменно отчитываться за каждую переведенную им «копейку», желания не возникало ни в прошлом, ни сейчас.

Нервные клетки не восстанавливаются, вот и не стоит тратить их понапрасну на недостойного человека и пустые склоки.

Что порадовало, отец в этом вопросе меня полностью поддержал, уверяя: и «без сопливых» проживём. Даже деньги старался в первые месяцы подсунуть или кинуть на карту,

пока не пригрозила, что поругаемся, если не прекратит.

Перестал. Зато с тех пор начал действовать по-другому. В обход или через внучку. Покупая то игрушки для Полинки, то вещи взамен тех, что стали ей малы, то утварь в дом, не считая гостинцев по случаю приезда.

Да, и возвращаясь к бывшему мужу, договорились мы с благоверным заранее и полюбовно: я от него ничего не требую в материальном плане, а взамен его финансовые проблемы больше нас не коснутся. Никогда.

Удивительно, но и тут мой батяка успел подстраховать. Уж не знаю, как и о чём он говорил с Ракитиным в коридоре, когда я в приемной мирового судьи получала своё свидетельство о разводе, но дружки Ивана, его спонсоры, коллекторы и прочая шушера, действительно отстали.

За месяц, что жила у родителей, да и в последующие годы, они меня ни разу не побеспокоили. Ни письмами, ни звонками, ни личным присутствием. Словно в один миг, раз, и позабыли.

А это со стороны Ивана уже само по себе было неоценимым подарком.

Ладно, хватить о прошлом.

Протираю экран вытянутой манжетой толстовки, чтобы очистить от пыли, и еще раз уточняю время, а потом чуть привстаю, чтобы убрать его в карман.

Сорок минут осталось. И будем дома.

Красота.

Успею стирку запустить и тетради у 6А и 6Б проверить.

Планирую список дел на вечер, когда малышка ляжет спать.

Яркий слепящий свет фар с левой водительской стороны, противоположной той, где мы сидим с дочерью, на секунду озаряет весь салон.

Успеваю только удивиться: что это может быть? Ведь перекрестков в лесу не бывает.

А в следующую секунду происходит резкий боковой удар, от которого я по инерции отлетаю к окну, чудом не задевая пристегнутую Полину.

К сожалению, стукаюсь весьма неудачно. Резкая боль прошивает висок. Потому скрежет сминаемого металла, а также последующий хлопок слышится уже где-то вдалеке.

Сознание постепенно уплывает.

– Мама! Мамочка! – сквозь треск и хмарь в сознании доносится слезный плач дочери. Именно он и приводит в себя.

Кто-то помогает мне подняться и вернуться в кресло. Но на это не обращаю внимания, просто фиксирую, как факт.

Главное, Полинка. Нужно успокоить крошку, чтобы истерики не случилось.

Боже...

В голове так сильно шумит, что кажется, она взорвется от любого резкого движения или крика. Поэтому поворачиваюсь медленно, но уверенно.

Стараюсь приоткрыть глаза. Получается. Но пелена мешает, как и яркий слепящий верхний свет работающих на полную мощность плафонов.

Промаргиваюсь и щурюсь, пытаюсь понять, что произошло, и сориентироваться для дальнейших действий.

– Мамочка, – обхватывает ручками мою ладонь дочка, заглядывая в глаза. Глазёнки испуганные-испуганные, а нижняя губка трясется.

Господи, какая же она маленькая и растерянная в этот момент. Неосознанно подаюсь к ней ближе, прижимая к себе.

Даже тошнота и боль, раскалывающая череп напополам, уходят на второй план.

– Тш-ш-ш, Поля. Всё хорошо, милая, – убираю растрепанные волосы с залитого слезами личика, внимательно её заглядывая на предмет повреждений, и успокаивающе поглаживаю по спине. – У тебя ничего не болит?

– Нет, – качает головой.

– Точно?

– Да, я же пристегнулась, – показывает, отклоняясь, на ремень безопасности.

– Вот и замечательно, – выдавливаю улыбку, чтобы подбодрить своего котенка. – Ты у меня умница.

– А у тебя кровь, мамочка, – смотрит внимательно на мой правый висок и тихонько всхлипывает.

– Да? – поднимаю ладонь к голове, чтобы понять размер трагедии, но мне не дают.

Кто-то перехватывает руку.

– Юлия Сергеевна, не трогайте. Вы похоже о край оконной рамы ударились во время столкновения. Я сейчас аптечку у водителя возьму и обработаю.

Перевожу взгляд влево на сидящего на корточках не то парня, не то мужчину лет тридцати или чуть больше. Незнакомого. И хмурюсь, потому что в его словах что-то царапает. Цепляет неправильностью. Но вот что именно – никак не могу сообразить.

Ладно, неважно.

Потом подумая.

– Хорошо, спасибо Вам, – возвращаю руку Полине, которая вцепляется в неё обеими ладошками.

– Я скоро, – выпрямляется во весь свой немалый рост молодой человек. – Только не вставайте, пожалуйста.

Прикрываю на секунду глаза вместо кивка и перевожу взгляд на салон, гудящий словно улей. Кое-где слышатся плач и причитания, но в основном только недовольное бормотание и бурчание. И несколько человек ходят взад-вперед по проходу, названивая по телефонам.

– Милая, Вам срочно нужно в больницу, – привлекает внимание сидящая на противоположной стороне от прохода дама, смотря на меня с участием. – Уверена, это сотрясение мозга. Такой сильный удар был, что Боже мой... Хорошо, наши сидения еще высоко, иначе и мы с Валерой пострадали. А вы, голубушка, зря не пристегнулись.

– Вы правы, – натягиваю улыбку, – зря.

– А мы даже не сразу поняли, что произошло, а молодой человек уже к Вам подскочил. Ой, какой хороший и внимательный.

– Да, – соглашаюсь односложно, так как тархтение утомляет и добавляет шума в голове.

А еще чувствуется, как становится холоднее.

Вот это плохо.

– Поля, надень-ка шапочку, кажется, дверь на улицу открыта. Не хочу, чтобы ты простыла, милая.

– Хорошо, мамочка, – тут же кивает малышка, чем безумно радуется.

Спорить и уговаривать нет никаких сил. Тошнота стоит комом в горле, а любое движение головой вызывает колокольный звон в ушах.

– Умницы, девчонки, что не сбежали, а-то где бы я вас искать стал, – проскальзывая бочком мимо колоритного мужчины, занявшего весь проход, наш знакомец-незнакомец привлекает к себе внимание окружающих, улыбаясь от уха до уха.

Вот же шут гороховый.

Нашел время и место красоваться и хохмить, однако, помощь его сейчас очень необходима. Кажется, остальным до нас нет никакого дела.

Что ж, не впервые.

– Вот, смотрите, что я достал, – укладывает мужчина мне

на колени аптечку первой помощи.

Я же в ответ хмыкаю, но от комментария воздерживаюсь. Почему-то слабо верится, что в ней найдется хотя бы пере-кись водорода для обработки раны.

– Ты же Полина? – обращается тем временем незнакомец к дочери и после её кивка командует. – Будешь мне помогать, как взрослая.

– Конечно, буду, – заявляет маленькая прелесть, выпрям-ляясь на сидении и отпуская мою руку. – Мне почти пять.

– Отлично, тогда держи коробку и подавай по одному ку-сочки ваты вот из этой упаковки. Договорились?

– Да.

– Молодец, – подмигивает молодой человек, возвращая внимание к ране. – Кстати, меня Максим зовут. Жаль, что знакомиться приходится в таких неприятных обстоятель-ствах.

– Я, – решаю представиться в ответ и в этот момент дога-дываюсь, что в начале разговора так зацепило. – Откуда Вы знаете, как нас зовут?

– Расскажу, если сразу перейдём на «ты», – взяв за подбородок и повернув лицо влево, мужчина прищуривается, рас-сматривая поврежденный висок.

– Всё так плохо? – стараюсь прочитать ответ по мимике.

– Не особо, просто немного кровит. Сейчас мы с Полей постараемся это исправить. Да, моя помощница?

– Да, – звонко рапортует дочка, я же непроизвольно крив-

люсь от громкого звука.

– Тш-ш-ш, у мамы болит голова, давай не будем расстраивать её еще больше.

– Хорошо, – соглашается, перейдя на еле слышный шепот, дочурка. От чего хочется рассмеяться. – Прости, мамочка.

– Так, сейчас будет жечь, но мы подуем.

– Обязательно, – поддерживает Максима юная санитарка.

Ясно, эти двое спелись. А Полине очень понравилось новое занятие.

Размышления о родном сокровище помогают отвлечься от саднящей боли, да и выполняет все действия лекарь очень быстро и профессионально, что удивляет.

– Ну, вот и всё. Так намного лучше, – приклеив напоследок два лейкопластыря, Максим рассматривает свою работу, а после подмигивает дочери. – Молодец, помощница, справилась «на отлично».

– Спасибо, – благодарю спасителя, а после уточняю, что же всё-таки произошло.

– Парень ехал нам навстречу и на скользком повороте не справился с управлением. Занесло. Как итог, задел по касательной левый бок автобуса, а заодно и колесо напрочь снёс. Вызвали эвакуатор, так как заменой резины тут дело не обойдется. Но, главное, все живы. В основном пассажиры только испугались от сильной встряски. Самое сильное повреждение у тебя, у еще шестерых только ушибы.

– Ясно. Значит, до поселка мы не доедем?

– Дежурный автобус уже в пути. Думаю, минут через пятнадцать будет. А ты пока съешь обезболивающее, – протягивает мне блистер с таблетками и воду. – Лучше, сразу две.

Делаю, как сказал, и прикрываю глаза, пока Полина о чём-то с ним негромко беседует. Так и время пролетает незаметно.

Помощь действительно приходит очень быстро, и нас пересаживают. Что радует, к этому моменту голова практически не болит, лишь зудит в области виска. И остальной путь проходит без приключений.

– Я вас подброшу, у меня машина на стоянке, – кивает в сторону автовокзала Максим, когда выходим из автобуса в числе последних. – Подождите минут пять.

– Мы такси возьмем, не стоит...

– Пять минут, – поднимает руку мужчина, не давая закончить фразу, и быстрым шагом устремляется прочь.

– Какой упрямый. Как Серёжка у нас в группе. Тот тоже всегда всё делает по-своему, – комментирует происходящее Полинка, подпрыгивая рядом и уже практически забыв о неприятностях в автобусе.

Ну и, слава Богу.

Такой вариант меня очень устраивает.

– Завтра в травму обязательно сходи или врача вызови, если станет хуже, – остановившись минут через десять перед нашим домом, даёт последние наставления мой сегодняшний спасатель Максим. – С ранами головы шутки плохи.

– Хорошо, постараюсь, – тянусь к ручке открытия двери.

– Не постараюсь, а обязательно! Полина, как взрослая и ответственная девочка, будь любезна проконтролировать, – обращается раскомандовавшийся мужчина уже к дочери.

– Сделаю, – кивает важно моя деловушка.

– Вы так и не сказали, откуда знаете наши имена, – хмуюсь, так как этот вопрос не даёт покоя.

– А я предлагал перейти на «ты», – улыбается в ответ, подмигивая. – Но, кто-то отказался. Ладно, уверен еще обязательно встретимся, и я открою секрет. Посёлок же маленький.

Глава 6

Отведя с утра пораньше Полю в садик, решаю последовать совету нового знакомого и забежать в амбулаторию, чтобы еще раз проверить рану и обработать, если понадобится.

Да, особого желания участвовать в толкучке и воевать с бабульками, денно и ночью несущими вахту под дверью кабинета врача, чтобы померить давление и просто поговорить за жизнь, желания особого нет. Как и вообще находиться в здравучреждении, где всё выглядит пусть и более-менее чистеньким, и даже сделан копеечный ремонт, но впечатление производит всё равно гнетущее и упадническое.

Затертый по центру линолеум, смотрящийся по углам еще довольно-таки свежо, бледно-желтые крашенные стены, деревянные скамейки вдоль всего коридора, пара железных напольных вешалок-стоек по углам и допотопная дверь из оргалита с маленьким окошком в каморку регистратуры.

По счастливой случайности Ольга Максимовна, врач общей практики, ведущая наш участок и неоднократно занимавшаяся лечением Полины, встречается в коридоре, как только я захожу в амбулаторию.

– Доброе утро, неужели снова дочка заболела? – останавливается она первой, кивая проходящим мимо многочисленным знакомым.

– Нет, теперь я к Вам сама по себе. Доброе утро, – улыба-

юсь в ответ и, показав на заклеенный лейкопластырем висок, кратко объясняю причины травмы.

– О, да, я уже слышала. Хорошо, что Вы пришли. Пойдемте со мной.

Вот таким чудесным образом я избегаю уже образовавшейся у кабинета очереди и не рискую опоздать ко второму уроку.

Пока Павлова занимается непосредственно мною, проводя осмотр и заставляя сделать нехитрые упражнения, медсестра успевает заполнить медицинскую карточку, которой тут отродясь не было. Да она и не требовалась. Болеть я не люблю, а при первых симптомах простуды всегда принимаю витамины или соответствующие порошки.

– Так, Катюша сейчас еще раз обработает рану и заклеит. По таблеткам – оставляем их же на всякий случай, но, если головные боли вновь возобновятся, не ждём, приходим или звоним. Тянуть и рассчитывать на авось не стоит. Пока КТ делать не вижу необходимости.

– Хорошо.

– Выписать Вам больничный на эту неделю, чтобы отлежаться?

– Ой, даже не знаю, – теряюсь от такого заманчивого предложения.

Потому что встречаться со Шляковым в ближайшем будущем нет желания. А тут и он бы поутих за семь денёчков, да и я нашла себе занятие по душе.

– Всё же настоятельно советую не отказываться. Школа от Вас не убежит, а здоровье должно быть на первом месте.

Удивленно распахиваю глаза, поскольку про работу на моей памяти не было разговоров ни разу.

– Ой, Юлия Сергеевна. Поселок же маленький, да и мой Сашка у Вас учится в 7б классе, – поясняет охотно женщина, одаривая понимающей улыбкой.

– Точно, – вспоминаю кудрявого мальчишку, любящего в отличие от большинства не носиться по коридорам в перемену, а что-то читать.

– Я всё обработала, Ольга Максимовна, – заклеив пластырем рану, отходит к раковине помыть руки медсестра.

– Вот и отлично, а я закончила оформлять бланк, – кивает, глядя в документы, Павлова. – И сразу его закрыла воскресеньем. Так и Вам приходиться не придётся лишний раз, да и мне время сэкономится.

– Спасибо, – удивлюсь нереально шикарному стечению обстоятельств.

Неожиданно, но очень вовремя и удачно, если можно так сказать.

– Ой, это Вы Максима Сергеевича благодарите. Он с самого утра забегал и предупреждал о Вашем приходе.

– Кого? – не улавливаю, о чём идёт речь.

– Лукина, – теперь приподнимает брови сама врач.

– Стоматолога нашего нового, – подсказывает, хитро улыбаясь, медсестра Катенька.

– А-а-а, Максим Сергеевич, значит, – понимаю, наконец-то, что и к чему. – Конечно-конечно, обязательно поблагодарю.

Хмыкаю, кивая головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.